

В этот день занятия учеников третьего года завершились до обеда из-за подготовки к родительскому собранию. В столовой я встретил Микки, сидевшую за столом, полным печенья. Я прокрался и стащил одну, за что был награжден яростным ударом.

— Они не для тебя!

— Ну, все равно вкусные!

Над ее головой плавала бубен, символизирующий злость. А рядом — над головой девушки, сидящей напротив — появилась пика радости. Элли. Она их испекла? Элли мягко мне улыбнулась, но я невольно отвел взгляд. В последнее время со мной такое часто происходило.

— Я еще ни одной не попробовала!

— Ох, правда? Виноват. Но они просто пальчики оближешь.

Снова удар, а я вновь позволил ей выпустить пар. Но не хотелось, чтобы она принимала меня за милого парня, потому добавил:

— Тебе сотворить такие не под силу.

Над ее головой вновь появился бубен злости. Чуть поменьше вспыхнул и над Элли. Возможно, ей не понравилось, что я подшучиваю над подругой. Но бубен быстро исчез, это была так называемая мимолетная досада. Не стоит переживать.

— Р-р-р-р! Забудь! Сделаю вид. Будто тебя здесь нет.

Микки сложила руки, взяла печенье и откусила. Бубен злости сменился огромной пикой удовольствия — настолько большой, что она затмила все остальные масти в школе. Впечатляет, что на нее так повлияла всего одна печенька.

— М-м-м, как вкуфно!

— Вот видишь, а я что говорил?

— Ты все еще здесь? У тебя разве нет тренировки? Катись к черту!

— Вау! Грубо! Не тренируемся мы во время недели консультаций. Только отработка и одиночные забеги. Я был в библиотеке, но потом Кё позвали на собрание, мне стало скучно, а еще я проголодался. К тому же... Элли, мне нельзя их есть?

— Нет, все нормально. Я могу испечь еще.

— Хмпф! Ради Элли я, так и быть, прощу тебя. Благодарю свою удачу.

— Ура, спасибо. Кстати, Психичка тоже сегодня идет на консультацию? — уклонился я от ехидного замечания.

— Ага, сегодня. Наверное, хорошо иметь идеальные оценки... Держу пари, ее все время будут гладить по головке, — шутливо отмахнулась Микки.

Все шесть лет нашего знакомства я наблюдал, как ее пики обращаются в бубны, а затем в червы без всякой на то причины. Выходило забавно.

— Элли тоже хорошо учится, да? — обратил я внимание на улыбающуюся девушку напротив.

— Так точно. Хотя она часто прогуливала в прошлом году, это может отразиться на табеле.

Кто-то мог осуждать Микки за прямолинейность в обсуждении деликатных тем, но не я.

— Хм-м-м... Могу ли я в свое оправдание сказать, что не заметила окончания выходных? — пошутила Элли.

— Ох ты боже мой! Ха-ха!

Еще год назад она ни за что бы не стала шутить в школе. Микки рассмеялась, и над Элли поднялась черва веселья.

Временами становится больно смотреть, как друзья ходят по тонкому льду. Микки это понимала, потому и подыграла шутке Элли. С приятным чувством на сердце от улыбки ее улыбки, я сел рядом с Микки и сунул в рот еще одну печеньку. Удара не последовало.

— Какие же они вкусные. Кё и Психичка уже успели попробовать?

— А? Нет...

— Какая жалость! Микки же все слопает.

После этих слов над головой Элли появилась трефа печали. Быть может, она пожалела, что не предложила печеньку остальным. Упс. Я поспешно сменил тему — не потому, что хотел показаться обаятельным, а просто чтобы уменьшить печаль Элли.

Это на меня не похоже. Когда вижу тrefу над кем-либо, стараюсь выяснить причину и помочь найти решение, каких бы размеров масть не была. Сую нос куда не надо, да, знаю.

— Элли, это пища богов. Тут замешан секретный ингредиент?

Однако, видимо, нарушение устоявшегося образа мышления не всегда заканчивается хорошо. В конце концов, фраза «проверено временем» принята не просто так. Я привык вмешиваться в чужие дела и совсем не представлял, что будет, если для разнообразия руководствоваться собственными чувствами.

— О-о-о, я тоже хочу знать! Скажи, скажи!

— Успокойся, малявка. Тебе еще рано экспериментировать с продвинутыми техниками.

Я получил еще один удар, а Элли хихикнула.

— Дайте подумать. Хе-хе... Ингредиент уже не будет секретным, если я расскажу.

Отклонив просьбу Микки, она расплылась в неизменно мягкой, милой улыбке и встала.

— Отлучусь в туалет. Раз уж зашла речь о секретном ингредиенте, назову его любовью. Во время приготовления всегда держу в голове образ того, кто будет их кушать.

Бросив очаровательное признание, она ушла.

В такой момент я бы смущенно отвел взгляд, но не сейчас — сейчас я не выпускал ее из виду. Не улыбку, а масть, нависшую над головой. Что же она значит? Я смотрел на удаляющуюся спину и невольно вздохнул. Масть Элли все росла и росла, пока не стала больше черв и пик Микки, самых больших в школе.

— Любовь, да? — пробормотала Микки.

Я не ответил и просто смотрел, как Элли и ее масть покидали столовую. Микки заметила мое молчание.

— Что-то случилось?

Очевидно, я не мог ей рассказать.

— Да вот голод все еще мучает. Пойду куплю чего-нибудь... Возникло страстное желание соленого.

Я встал с места. По чистому совпадению буфет располагался в той же стороне, что и туалет. Оставив Микки, я последовал за Элли, чтобы попытаться выяснить, что с ней такое. Ей стало неловко от того, что она не рассказала про секретный ингредиент? Слишком уж огромная масть для такого пустяка. Может, я впервые в жизни все неправильно понял и это была пика радости. В конце концов, цвет-то одинаковый.

Я всем сердцем на это надеялся и пошел искать подтверждение. К сожалению, мое предположение не оправдалось. Над ее небольшой головой плавала гигантская чернильно-черная трефа печали.

В груди почему-то защемило.

□

Впервые я ощутил себя не в своей тарелке перед культурным фестивалем, но финальный гвоздь в крышку гроба забила школьная экскурсия в феврале: одноклассница призналась мне в любви, а я отверг ее. Что тут странного, спросите? Я впервые отверг чьи-то ухаживания.

Мы редко разговаривали, но я знал ее как общительную, дружелюбную и самую красивую девушку в классе. Конечно, мне стало приятно, что она питает ко мне чувства, и при обычных обстоятельствах я бы без раздумий согласился встречаться. Я не сердцеед, просто меня не волнует, как хорошо мы с девушкой знакомы. Уже достаточно того, что она в меня влюблена.

Такой подход касался не только личной жизни. Может, из-за силы я привык ценить себя наравне с другими и присматривать за ними. Так уж вышло, что их желания вставали для меня на передний план.

Но я впервые этого не сделал. И на то была одна причина — существование девушки, которая мне не безразлична.

Как ни странно, моя жизнь протекала намного легче без знаний о том, что в меня влюблены. Но когда я отверг признание, то подумал, что чувства были намного серьезнее, чем я себе представлял. Потом стал обращать внимание на свои поступки, и так до меня дошло, почему я оставил колокольчик «на всякий случай» — и тогда я испугался и выбросил его.

Стыдно признавать, но подобные чувства возникли у меня всего во второй раз. Будь я на самом деле влюблен в нее, смог бы действовать по ситуации. Но я, как настоящий тупица, все еще пытался решиться, а теперь и вовсе сделался трусливым цыпленком.

Так или иначе, наверное, в таком поведении было что-то хорошее — особенно если вспомнить, что бывшая девушка упрекнула меня в постоянном самолюбии (из-за чего и бросила). Неприятная часть, однако, состоит в том, что я, оказывается, ничего не могу поделать, когда дорогому человеку больно.

Я не всемогущ. Да, могу точно определить, когда человек счастлив, опечален, злится или смущен, но я не знал, что вызывает эти эмоции и как решить проблемные ситуации. И хотя жизнь предоставила опыт, правила разнились от человека к человеку, так что справляться было ой как непросто.

Со словами, что ей нужно выполнить какое-то поручение, Элли первой ушла из школы, но черная масть над ее головой никуда не делась.

□

Я листал путеводитель по институту в кабинете школьного консультанта, но так и не смог избавиться от мыслей об Элли.

— Приветик, мой принц. Забыл позаигрывать с Миязато-чан?.. Что за вид у тебя такой?

— Ничего особенного. Вижу, сегодня ты все такая же психованная.

— Ву-ху-у, — ровно произнесла Психичка и радостно подняла руки, после чего положила их обратно на упаковку из-под сока.

Как обычно, над ее головой плавали черва игривости и треха грусти. Она была единственной чудачкой с двумя мастями одновременно.

— А тебе точно разрешено пинать балду, попивая сок? Вроде бы сегодня твои родители встречаются с учителем, да?

— Что, завидуешь? Хочешь попить из той же соломинки? Бесплатный непрямой поцелуй и все такое.

— Нет, спасибо. Я не голоден и не нуждаюсь в сахаре.

Она убрала предложенный сок.

— Держу пари, согласился бы немедленно, если бы это предложила Миязато-чан, — отметила она между делом.

Психичка никогда не отпускала подобные шуточки при всех. Сейчас она понимала: никто после школы сюда не пойдет. Соглашусь я с ней или нет, она все равно продолжит наседать. Поэтому промолчал.

В пустом кабинете без учителей, которые бы стояли над душой, я буквально услышал, как она

громко, словно специально, сглотнула.

— Знаешь, мое собрание уже закончилось. Я собиралась сходить в библиотеку, но заметила двух наших закадычных приятелей, Кё и Мики-чан, и решила не прерывать их. Почему ты не с ними?

— Ну, я сидел за книжками с Кё, но затем Элли ушла, на ее месте появилась Микки, вот я и решил скрыться с глаз долой. Мужской кодекс, понимаешь ли. Кроме того, мне все равно хотелось взять один из этих путеводителей. Ты тоже пришла сюда за ним?

— Ага, учитель сказал выбрать что-нибудь просто на всякий случай... На самом деле нет, но, думаю, поверишь на слово.

Я подозревал, что, быть может, она увидела меня выходящим из библиотеки и решила проследить. По-видимому, так оно и было. «Вот же назойливая», — подумал я, точно самый настоящий лицемер.

— Итак, что ты чувствуешь к Миязато-чан?

— Не знаю, — честно ответил я, не прочитав ни строчки и перевернув очередной лист.

Судя по всему, Психичка не купилась.

— Ты сейчас серьезно? — вздохнула она. — И что делать будешь, если кто-то украдет ее из-под носа, пока ты пытаешься понять, хм-м?

— Все равно ничего не смогу поделать, наверное.

Она снова вздохнула.

— Наверное, можно подождать до вступительных экзаменов, прежде чем бить тревогу. Все так стараются... Знаю, я не должна торопить Кё, но никогда ведь не знаешь, когда возникнет еще одна аномалия.

— Да уж...

Я знал, что она имела в виду под аномалией, и это была вовсе не шутка.

Скрывать ни к чему, так что объясню: где-то три недели назад, хотите верьте, хотите нет, некий парень из другого класса предложил Микки встречаться. Затем Психичка, точно маленькое чудище, пошла к Кё и рассказала эту новость. Опустошенный — слишком мягкое

слово для описания его состояния. Я бы лучше дождался окончания тестов, но в итоге погряз в раздумьях о том, как поддержать его в самом худшем случае. К счастью, он не настал: Микки отвергла парня, и Кё вернулся к учебе.

— Я все еще не понимаю, зачем ты так поступила. Ему было бы намного лучше, не знай он о признании.

— Что, если бы она ответила согласием, сама пошла к Кё и рассказала радостные новости? Как бы он себя чувствовал? — Она вытащила соломинку из опустевшей упаковки из-под сока и ткнула в меня. — У него есть право знать, а еще ему нужно действовать. Худшие сожаления — те, где ты беспомощен сделать что-либо.

— Ты все еще говоришь про Кё или...

— Кто знает.

Пожав плечами, она повернулась и ушла. Я понял, что она направилась в библиотеку, и не стал останавливать. Просто еще раз заглянул в путеводитель.

А затем услышал ее голос.

— Дай-ка угадаю, ты понятия не имеешь, почему Мики-чан отказала, не так ли?

Я обернулся и заметил, как она буравила меня взглядом с мягкой улыбкой — редкое зрелище.

— Какой же ты бестолковый. Но, как говорят, любовь слепа.

Бросив на прощание эти слова, Психичка вышла из кабинета... и тут сразу вернулся школьный консультант.

Фраза «какой же ты бестолковой» сжимала внутренности.

□

На следующий день настал черед моих родителей прийти в школу. После занятий я перекусил вместе с Кё, затем мы двинулись учиться в библиотеку. Потом к нам присоединилась Психичка вместе с Элли, но вот Микки нигде не было видно — видимо, у нее появились срочные дела.

Трефа грусти все еще висела над Элли, хотя и немного исхудала по сравнению со вчерашним днем. Из-за чего она печалилась? Наверняка не потому, что целых двадцать четыре часа назад не рассказала нам о секретном ингредиенте.

Мы провели за учебой некоторое время, когда к нам подошла девушка и сказала, что настала моя очередь идти на консультацию.

— Присмотришь за вещами? — спросил я у Психички.

— Не знаю. Могу слопать, если слишком проголодаюсь.

И вот я оставил пенал в ее надежных руках. Перед классом, в коридоре, я увидел маму. Внутри мы вошли вместе, поприветствовали учителя и уселись.

По большей части я уже был готов к предстоящей лекции. «Вот тут у тебя проблемы по таким-то предметам, учись усерднее. С высокими амбициями обязательно нужен стопроцентный вариант. Бла-бла-бла». Не в обиду учителю, но мои мысли занимала исключительно Элли. Почему для меня это так важно? И если это все-таки любовь, что мне делать дальше?

К сожалению, вывод был неутешительным: я действительно бестолковый.

— Если ты решительно настроен улететь за границу, нужно приложить усилия, соразмерные стремлениям, — объяснил учитель с улыбкой.

— Не переживайте. В критический момент я всегда прорываюсь через препятствия. Просто посмотрите и увидите, — улыбнулся я в ответ.

Собрание завершилось на высокой ноте, а трефа печали над головой мамы так и не появилась. Я проводил ее до входа, напоследок сказал, что вернусь домой, как только позанимаюсь еще немного, и побрел в библиотеку.

Но в итоге так погрузился в раздумья, что заметил Элли и Кё, когда они буквально встали передо мной.

— Вернулся, Зука? Как все прошло? — вернул меня к реальности Кё.

— О, привет, ребята! Не знаю. Сказал, что буду учиться еще усерднее, а что потом — уже не помню.

— Какое облегчение, значит, не только у меня воспоминания решили вылететь из головы.

Мы засмеялись, а мисс хорошие оценки радостно улыбнулась, хотя над ней все еще висела трефа.

— Элли, вы куда? И где Психичка?

— Мы просто хотели попить воды. Психичка в библиотеке осталась. Она не спускала глаз с пенала с тех пор, как ты попросил приглядеть за ним.

— Ну серьезно, чокнутая.

— Ой, е-если так подумать, ты... ты должен пойти с нами, Зука-кун.

Всего лишь будничное, дружеское приглашение, я это понимал. Но Элли никогда никого не приглашала, и мое сердце пропустило удар. Естественно, я согласился. Над тремой выросла маленькая пика радости.

По пути в столовую она первой завязала со мной разговор. Что, опять же, случалось редко.

— Знаешь, Зука-кун, здорово, что ты уже выбрал карьеру.

— А ты нет?

— М-м-м... Не уверена. Я метаясь туда-сюда и чем больше мучаюсь в раздумьях, тем меньше во мне уверенности... Вот бы я была как ты.

Я сполна наслаждался комплиментом... но не смог принять его за чистую монету.

— Лучше как следует помучиться, — невольно ответил я.

Даже у меня не было уверенности, как она это воспримет. Элли и Кё выглядели несколько озадаченными.

Наверное, я решил путешествовать из-за своей природы — не могу сидеть на месте ровно. К тому же полезно знать английский, а еще хотелось зарабатывать столько денег, чтобы поддерживать семью. Я просто выбрал тот путь, что предлагал мне это все. Если подумать, я толком и не обдумывал решение, а лишь отмахнулся с мыслью «этого хватит». Нет, сам выбор представлял для меня интерес, но не стоял на первом месте. Я не уделял своему будущему должного внимания, так что тщательное изучение вариантов Элли — ход намного умнее.

Но у меня так и не вышло подобрать нужные слова, и не я успел опомниться, как мы подошли к школьному магазину.

□

Сегодня Кё оттащил меня в сторонку со словами, что ему нужно поговорить — еще одна редкость. Так или иначе, я знал, мы будем говорить во время перекуса в столовой, как всегда.

Вышло все идеально, поскольку кое-что хотел спросить и я. Элли и ее печаль. Кё и Микки достаточно близки с ней, так что могут знать немного больше.

Но когда мы сели за стол у дальнего угла, Кё поразил меня неожиданным вопросом.

— Как думаешь, у Миязато-сан что-то случилось?

Внешне с Элли было все в порядке: она улыбалась так же мягко. Удивительно, как Кё смог что-то заметить. Все-таки я видел истину только благодаря своей силе. Меня впечатлила его внимательность, но он, похоже, не знал подробностей.

— Элли? А что с ней?

— Она со вчерашнего дня ведет себя немного... отстраненно, что ли. Так что я подумал, может, она злится.

Хотелось подразнить его и сказать что-то вроде: «Ты чего, ее парень?», но все станет только сложнее, и я прикусил язык.

— Хм. Она и вправду стала совсем уж тихоней.

— Словно избегает меня.

— Тебя? Вы же вместе шли в школьный магазинчик, разве нет?

— Поверь, нам было неопишимо неловко, пока не появился ты. Кажется, я как-то расстроил ее ...

Пока я слушал искренне взволнованного Кё, то вдруг понял, как сильно горжусь этим замечательным человеком. Если друзья печалются или злятся, я не подчиняюсь эмоциям, напротив, обдумываю решение, а затем действую. Такой вот рассудительный подход, требующий, однако, умения читать обстановку. Но люди вроде Кё более чувствительны: останавливаются и пытаются понять, не они ли послужили источником проблемы. Такое поведение сдерживает их и не дает действовать. Как-то раз он упомянул, что я «агрессивный» с девушками, но такое слово наиболее точно описывает как раз его.

— Может, ты нагрубил, и это взбесило ее? Например, назвал толстой или еще чего?

— Да ни в жизнь никому этого не скажу! Я же не ты! Кроме того, Миязато-сан не толстая!

— Ну ладно, может, сказал что-то вроде: «Девушки должны быть спортивными, прямо как

Мики-сан!» Это наверняка бы ее разозлило.

— Блин, почему она избегает меня, хотя грубее тебя никого нет?..

Я злобно хихикнул. Кё вздохнул, опустив плечи. Я не мог сильно дразнить его последние несколько недель из-за Микки, но рад видеть, что он более-менее оправился и даже жалуется на меня. Это помогло разрядить обстановку.

— Честно говоря, не могу придумать ни одной нормальной причины, почему она сторонится тебя. Психичка вот легко претворяет в жизнь придуманную схему, но Элли не из таких.

— Ага-а-а-а... Хм-м-м... Можешь спросить Мики-сан, возможно, она знает?

— Сам спроси! Вообще-то, раз уж напомнил...

Я собирался спросить насчет события, о котором Психичка рассказала мне два дня назад. В конце концов, она ясно дала понять, что Микки отвалила парня по определенной причине. Может, Психичка или Кё этому поспособствовали. К этому моменту история уже устарела, ответ мало что значил, но он мог дать подсказку, и я хотел ее услышать. Может, это как-то связано с Элли.

Расспрашивать дальше я не стал: сидел лицом ко входу и заметил зашедших Микки и Элли. Я застыл, точно олень в свете фар, и вот Микки заметила нас и принялась горячо размахивать руками. Я ответил тем же, после чего Кё обернулся. Масть над его головой тут же сменилась: возможно, из-за Элли, стоявшей позади Микки. А вот девчонки... я отчетливо видел их реакцию, но, конечно, ни слова об этом сказать не мог.

Микки уселась рядом со мной, Элли робко подсела к Кё, а я завел непринужденный разговор.

— У вас сегодня встреча родителей с учителем, да?

— Так точно! Мы с Элли уже приготовились слушать о наших потрясающих успехах!

— Я бы на твоём месте поубавил ожидания, Микки.

— Сейчас в морду получишь, паршивец.

Я приготовился к удару, но она была в хорошем настроении и ограничилась только предупреждением — ее пика веселья ни на миг не поколебалась.

— Кстати, передавали, что следующие пару дней будет солнечно! Блин, не передать словами,

как я рада, что дождь не омрачит наш пикник во время цветения сакуры. Только не забудьте принести свое самое любимое! — провозгласила она с ухмылкой от уха до уха.

Я совершенно забыл про завтрашний пикник, но если признаюсь в этом, меня точно поколотит Микки. В последнее время столько мыслей в голове крутилось, что успел обо всем позабыть.

Так или иначе, мы — пятеро друзей, познакомившихся в течение года — решили устроить на предстоящих выходных немного запоздалый пикник. Эта идея целиком и полностью принадлежала Микки — она не хотела, чтобы мы «теряли из виду самое важное» из-за вступительных экзаменов в институт. Психичка выбрала дату, и вот так установились наши планы. Естественно, у Кё и Элли и шанса не было отказаться от приглашения Микки. Мне нравятся всякие сезонные мероприятия, потому я оказался в деле. Психичку не заботила возможность понаблюдать за сакурой, но она все сетовала на «двойное свидание» без нее, и в итоге у нее не осталось выбора.

Возможно, сейчас было самое подходящее время для пикника. Элли все так же неизменно улыбалась, но за столом сидела, слегка отодвинувшись от Кё. Он, конечно, это заметил. Над ними плавали тrefы грусти. С лица Микки, напротив, не сходила широкая улыбка.

— Как волнующе, да?! Я вот очень взволнована!

Она не переживала о мелочах. Эта черта мне в ней нравилась, но чем дольше радостный голос разносился по столовой, тем больше становилась печаль Элли. Я подумывал поговорить с Микки... Но даже если попрошу узнать про Элли, ничего не получится — она ведь ужасно играет и не сможет невозмутимо задавать вопросы.

Микки заметила мою натянутую улыбку и неправильно ее истолковала.

— Что, считаешь меня ребенком, потому что я взвинчиваюсь от одного только вида цветущей сакуры? — Она перевела взгляд на Элли. — Держись от него подальше, хорошо? У таких людей за душой ничего нет.

Улыбка Элли стала такой же натянутой, как у меня, но Микки этого не заметила. Просто продолжала восторженно рассказывать нам о пикнике во время цветения сакуры. У меня ни за что не выйдет использовать ее.

Наверное, впервые я пожелал, чтобы у Микки появилась сила вроде моей. Как только она отмечала желаемое, то уже неслась к нему, точно самонаводящаяся ракета, и уже никто не мог ее остановить. В эти моменты мы могли разве что нервно смотреть на нее.

Так или иначе, я стрельнул в Кё многозначительным взглядом: «Сделай пометку — вот такая девушка тебе нравится».

□

— Без понятия. Почему мне знать? — ответила Психичка.

— Правда?

— Мой принц не доверяет мне? Сейчас расплачусь, — всхлипнула она. — Вообще-то, думаю, это аллергия.

Она взяла с полки путеводитель первокурсника. Ощувив укол вины за то, что мы проводили тайную встречу в кабинете школьного консультанта, я схватил случайную книгу. Самого консультанта, конечно, тут не было.

— Клянусь, я ничего не знаю. Кроме того, мы ведь говорим о девчонке, которая все держит в себе. Помнишь, как она решила проблемы? Начала прогуливать школу.

— Блин, не опускайся до оскорблений.

— Я не имела в виду ничего такого! Просто говорю, что мы до сих пор не знаем причину. Остается только надеяться, что она когда-нибудь откроется нам. Впрочем, когда такой человек начинает вести себя подобным образом, обычно за этим скрывается что-то серьезное. Может, Кё знает?

— Я спрашивал его, он тоже не в курсе.

И теперь подавлен. Нехорошо, учитывая завтрашний пикник.

— Возможно, вся эта ситуация просто сплошное недоразумение, а они еще сами этого не поняли. Комедия ошибок, одним словом. Или ты сделал что-то грубое с Миязато-чан и не извинился.

— А ведь обидно, если ты считаешь, что я действительно мог так поступить.

— Еще как! К тебе один раз подойти, и ты сразу согласишься. Слишком уж милый. И слишком глупый.

Я не мог оспорить это, потому не стал. Без комментариев.

— В то же время ты обычно не советуешься со мной, а гуляешь с ухмылкой, точно все уже знаешь.

— Нет, ничего подобного. Это касается обоих замечаний.

Смысла врать не было.

— Лучше всего, если я буду делать то, в чем хорош, и держаться подальше от остального. Но сейчас я хочу добраться до истины — исключительно ради себя, ни для кого более.

Она не ответила.

— Но я ведь бестолковый, помнишь? Так что, может, дашь какую-нибудь подсказку?

— «Утопающий схватится и за психованного», — так оно говорится. Поняла теперь... По крайней мере, ты уже не мой принц.

— Блин, я никогда им не был.

Я посмеялся над ее глупой шуткой, но она даже не улыбнулась. Продолжала перелистывать путеводитель, хотя вряд ли его читала.

— Ты всегда ведешь себя как надменный принц, который считает, что может решать проблемы других. В последнее время я начала по-другому к тебе относиться. Но вот Миязато-чан... Она заслуживает твоей отчаянной стороны, Зука.

Впервые Психичка обратилась ко мне по устоявшемуся прозвищу. Я потрясенно обернулся. Тут она наконец-то рассмеялась.

— Пойдем обратно в библиотеку.

Я вернул книгу в шкаф и обдумал каждое ее слово.

По какой-то причине она больше ни разу не назвала меня «принцем».

□

В день пикника я наделал предостаточно яkisобы для пятерых, аккуратно разложил коробочки в корзину, туда же запихнул синее покрывало и запрыгнул на свой верный старый велосипед.

В этом году пикник проводился в большом парке в западной части города. Это закономерно, ведь многие из нас проживают именно в той стороне. Жила бы Элли на востоке, может, отправились бы туда, но верная себе Микки настояла, что может просто приехать на велосипеде. Выглядела она в тот миг так, словно уже не могла дожждаться встречи. Глупенькая

верзила, что сказать. Впрочем, я такой же.

Проезжая по улицам, я замечал все возможные масти над головами мимо идущих людей. Суббота выдалась замечательной: было солнечно и трэф печали оказалось меньше обычного. И все же, несмотря на идеальную для пикника погоду, у пешеходного перехода я заметил Кё с типичным мрачным выражением лица.

— Хей!

— О... Привет, Зука.

Он буднично поздоровался, а его грусть немного увяла. Должно быть, переживает, что столкнется по дороге с Элли. Дело не в том, что им станет «неописуемо неловко», просто он не хотел, чтобы она чувствовала себя несчастной в его присутствии.

Светофор загорелся зеленым, и мы бок о бок пересекли дорогу. Я молился, чтобы сегодняшний день прошел хорошо. Мы крутили педали, и печаль Кё спадала. Возможно, мое присутствие помогало ему отвлечься.

— Зука, что взял?

— А? Ох, да так, якисобу. Знаешь, готовые в универмагах, на них еще пишут: «Просто добавьте воды». Вот их и купил, еще добавил овощей. А у тебя что?

— Тоже якисоба...

— Эх, ясно.

— Давай сделаем вид, что не спрашивали.

— Ага.

К счастью, раз на пикнике будут Психичка и Элли, наша еда не обратится в море коричневого цвета... И как гром среди ясного неба пришла в голову мысль: «Вдруг ее печаль настолько разрастется, что Элли не придет?» Я совсем об этом не подумал и сильно испугался.

Но потом впереди замаячил силуэт, разом унесший все переживания. Не оборачиваясь на Кё, я ускорился и догнал велосипед Элли.

— Привет, Элли! — окликнул я.

Она вздрогнула, мельком выглянула из-за плеча и стала притормаживать, пока окончательно не остановилась. Мы также спрыгнули с велосипедов.

— Доброе утро, Зука-кун. Доброе утро, Кё-кун.

— Э... Д-доброе утра, Миязато-сан! — заикнулся Кё точно так же, как в разговорах с Микки.

Разве что запинался он в этот раз по другой причине. Улыбка Элли ничуть не изменилась, а вот масть над головой дернулась. Трефа печали увеличилась еще больше и стала совсем огромной.

К счастью, Кё, скорее всего, не обнаружил изменений. Я надеялся на всесильное время, но вряд ли проблема решится сама собой. Несмотря на слова Кё, что-то между ними все-таки произошло, и это «что-то» ее опечалило. Хотел бы я знать, что именно у них стряслось.

Но сперва мы трое решили сделать остановку у дома Психички неподалеку от парка и подобрать ее: она попросила (скорее, потребовала) зайти к ней, если приедем пораньше. Вскоре мы вновь отправились в путь, а я возглавил колонну. Эти двое за все время не произнесли ни слова, и теперь-то я понял, что имел в виду Кё под «неописуемо неловко». Все казалось таким странным — буквально несколько дней назад они были как два сапога пара, причем Микки считала, что они обязательно должны начать встречаться.

Погодите. Этого же не могло... произойти?

В голову пришла мысль, которая бы никому из нас не пришлась по душе.

Мне удалось отмахнуться от нее только у дома Психички. Мы позвонили в дверь, и вскоре к нам вышла она: в худи и джинсах, в руках небольшой ярко-синий переносной холодильник.

— Утречка! Можете оставить велики во дворе.

Мы сделали, как она просила, и на своих двоих отправились к месту назначения.

В парке было оживленнее, чем ожидалось. Я убеждал себя, что к середине апреля все устанут от вида цветущей сакуры, но, видимо, это было не так — нас окружали любители пикников.

Мы направились к месту встречи, фонтану. И не успели даже близко подобраться к нему, как услышали возглас: «РЕБЯТА, ПРИВЕТ!» Я сразу узнал Микки. И действительно, она сидела на краю фонтана и энергично махала руками.

— Доброго утречка!

— Вижу, ты рано пришла.

— Я так рада, что успела вовремя!

«Нет, серьезно, ты слишком рано», — хотелось мне сказать, но Микки стрельнула взглядом в Элли. Та вернула улыбку, а трефа печали немного уменьшилась, так что я решил не портить момент.

Народу сегодня действительно было много, но и парк был достаточно просторным. Места под деревьями уже заняли, однако нам все же удалось пристроиться в уютном уголке. Мы с Кё расстелили покрывало, а девушки расставляли бумажные тарелки и все остальное.

Наконец началась наша гулянка по рассматриванию цветов... только вот Элли и Кё совсем не выглядели довольными. Я проследил за взглядом Психички, и оказалось, что она также смотрела на них.

Так начался напряженный день с балансированием на цыпочках, прощупыванием и... одним очевидным дураком, конечно же.

□

— ТУТ ВСЕ КОРИЧНЕВОЕ! — выкрикнула Микки громче обычного, радостно хлопнув Кё со всей дури по спине так, что стайка голубей неподалеку с испугу разлетелась.

Естественно, мы с Психичкой постарались усадить их рядом. В обычный день он бы нервничал, но вот сегодня его беспокойство об Элли победило. Не знаю, только я это заметил или нет, но он казался очень подавленным. Впрочем, как и Элли.

Но забудем пока о них. Мы очутились в довольно потешной ситуации. Кё и я принесли якисобу, которой хватило бы на десятерых, Микки взяла жареную курицу, а Элли, как и ожидалось, приготовила деликатес: стейк Солсбери в говяжьем демиглас. Каждое блюдо отливало коричневым.

Психичкино мороженое Вьенетта мы съели в мгновение ока, оно даже не успело растаять.

— Кажется, у меня в морозилке завалялись обжаренные рисовые шарики. Сходить, разогреть?
— предложила Психичка.

— Они тоже коричневые! — вырвалось у нас с Микки.

Затем продолжил только я:

— Если начистоту, кого волнует, что еда коричневая? Вкусно ведь! Знаю, я частично виновен, раз уж с Кё не посоветовался и взял то же самое, но блин... У Элли, вон, выглядит очень аппетитно! Сама сделала?

Прежде чем она успела ответить, я заметил ухмылку сидящей рядом Психички.

— Эм, угу... Сама, но рецепт очень простой, так что... В любом случае от жареной курочки глаз не оторвать.

Элли утонченно указала на блюдо Микки.

— Черт, наверное, со средней школы не ел потрясающую курочку ее мамы.

— Не приходила в голову мысль, что это я приготовила?

— Не-а!

Над ее головой появилась небольшая бубна злости. Такая же по какой-то причине всплыла над Элли... и тут же сменилась трепфой печали. Это напомнило мне случай в столовой, когда я посмеялся над Микки.

Стойте. Возможно, сейчас все станет понятно.

Элли злилась всякий раз, когда я подшучивал над Микки. Не хотела, чтобы над подружкой смеялись? Но почему она не злится, когда то же самое делает Психичка? Может, Элли ошибочно считает, что я нравлюсь Микки? Наверное, она огорчилась из-за моего выбора поддержать Кё в любви. По крайней мере, это все объясняло.

Раз причину определили, мне остается только прояснить недоразумение.

Просто объясню ситуацию Микки и... Нет, тогда она узнает о влюбленном в нее Кё. Ладно, может, рассказать, что у нас с Микки совсем разные любовные интересы? Нет, станет только хуже!

— Твоя еда восхитительна, Миязато-чан.

— Хе-е, хе-е! Спасибо, Психичка.

Но ее печаль ничуть не уменьшилась.

— Ха-ха! Ага, тут не поспоришь! Вкуснее ничего в жизни не пробовала!

— С-спасибо!

Пика восторга Микки выросла больше прежнего — что было совершенно противоположно чувствам Элли. Но это не всегда плохо. Иногда радость одного человека переписывает грусть другого. Но не в этот раз, к сожалению.

— Ага, получилось очень вкусно, Миязато-сан, — отважно произнес Кё.

— А... ага.

От такой невыразительной реакции Кё понурил голову. Я глянул на Психичку, надеясь услышать, как она дразнит Элли из-за неловкого ответа. Наши взгляды пересеклись, и Психичка, слегка наклонив голову, потянула одноразовые палочки к пластиковому контейнеру Кё, вытянула едва ли не целую порцию якисобы и запихнула сразу в рот, минуя тарелку.

— Якишоба Кё факая...

— Прожуй сначала!

Она проглотила комок.

— Доволен? Не перебивай, якисоба Кё тоже ничего. Ты должна попробовать немного, Миязато-чан.

Она подтолкнула контейнер к Элли. Очевидно, это попытка сменить тему разговора на Кё, чтобы прощупать чувства девушки. Этого хотел и я и был ей признателен.

Увы, попытка с треском провалилась. Элли предстояло попробовать только одно блюдо, но она настойчиво замотала головой.

— Н-не хочу! То есть, эм, я уже наелась!

— Ну ладно. С удовольствием заберу эти калории вместо тебя.

Психичка снова вытащила из контейнера чуть ли не половину содержимого. Бросив на меня недоумевающий взгляд, она начала жевать с характерно сонным выражением лица.

Я все время наблюдал за Кё. Скажу прямо, хотелось броситься в омут с головой. Но я не мог, конечно. Если начну расспрашивать, Элли будет обвинять себя, что испортила выходной. Поэтому я ждал и молился, чтобы Кё продержался еще немного.

Мы поболтали, попробовали курочку, и я спросил у него:

— Не подскажешь, где находится туалет?

Кё все понял по взгляду.

— Я... проведу, — сказал он и мигом обулся.

Я также поднялся и надел кроссовки.

— Сюда, — указал он, и я пошел следом.

Через пару десятков шагов я с облегчением выдохнул. По крайней мере, мне удалось его выпроводить оттуда. Еще немного, и точно раздавил бы нас своей гигантской трефой печали. Не в буквальном смысле, масти не были материальными объектами, но давления хватало, чтобы заставить меня понервничать.

— Что я сделал не так? — спросил Кё, как только мы отошли подальше.

Мне не нужно было смотреть на масть, чтобы узнать о его чувствах. И это плохо. Не то чтобы меня волновало, увидит ли трефу кто-то еще, но Микки по одному выражению лица закатит сцену.

— С ней точно что-то не так.

Бессмысленно пытаться успокоить его без убедительного опровержения. Поход в туалет служил лишь оправданием, но мы все равно шли в ту сторону, просто чтобы следовать сценарию.

— Напомни-ка, как долго она себя так ведет?

— Со следующего дня после вызова моих родителей.

— Ладно, значит, тогда что-то произошло. Может, почему-то расстроилась, но рассказывать не стала.

Справляя нужду, Кё начал вспоминать о случившемся в тот день.

— Ну честно, в голову ничего не приходит! Мы говорили как обычно... на всякие обычные темы... Вместе пожаловались на эссе по истории, но на этом все. Миязато-сан, кстати, первой начала, потому что не поняла одну тему... Утром мы встретились по дороге в школу и она даже

со мной печеньем поделилась! Я сказал, что они вышли очень вкусными!

— Печеньем? Тем самым?

— Ага. Назвала его «учебной закуской».

— Каким оно было?

— Ровным и круглым. Тебе она тоже давала попробовать?

— Да, парочку съел. Вкусные, это точно.

— Значит, проблема не в них! Seriously, почему она так злится на меня?

Хороший вопрос. Кё и Элли вот-вот впадут в уныние. В конце концов, она держала от него дистанцию без видимой причины. Но, конечно, над его головой никакой бубны злости не висело, он лишь глубоко переживал, что мог стать причиной ее печали. В который раз я поймал себя на мысли, что восхищаюсь им. Он совсем не такой, как я... Но сейчас нужно сосредоточиться на другом.

— Может, мне спросить прямо? — предложил я единственный вариант, пришедший в голову.

Но Кё не разделял моего энтузиазма.

— А если она решил, что я попросил тебя узнать? Расстроится еще больше.

Это уже походило на паранойю.

— Стоило догадаться, что ты так ответишь.

Что еще нам остается? Мне нужно, чтобы они снова подружились, только хотел я этого в личных целях.

И единственной подсказкой остается печенье. Хм-м.

Постойте, а ведь я тогда спрашивал у Элли, успела ли Психичка или Кё попробовать его. Она еще сказала: «Нет». Почему обманула? Что ужасного в том, что Кё ел это печенье? Хм-м-м-м-м.

— Ладно, я между делом поинтересуюсь у Микки насчет печенья. Может быть, она что-то знает. Ты не против?

— Ну... Думаю, это не повредит...

Отлично. Это не похоже на план, но хоть что-то. Теперь нужно изучить эмоции каждого и хорошенько все обдумать. Придется импровизировать, но таков мой стиль.

Мы вернулись к подругам. Над Микки по-прежнему кружила пика радости. У Психички, как обычно, висела черва игривости и трефа грусти. Из общей картины выбивалась только Элли и ее гигантская трефа. Я плюхнулся на свое место.

Понятно, что если сразу перейду к главной теме, всем станут очевидны мои намерения. Начну с чего-то отдаленного и безопасного. Что-то вроде: «Странно, не находите? В следующем году в это же время мы будем учиться в институте».

Но не успел я начать, как Микки издала самое фальшивое в мире «Кхм». Затем она огляделась, а пика радости увеличилась.

— Хорошо, раз все собрались, я хочу вам кое-что показать.

«Ну, это неожиданно», — подумал я, но, судя по ее пике, стоит рассчитывать на что-то положительное, и не стал перебивать. Вполне возможно, эта та самая подушка безопасности, которая мне нужна. Микки секунду-другую поерзала на месте, достала из-за спины сумку и положила на колени.

— Кхем! Ну, в общем...

Она умолкла и с ликующей улыбкой снова оглядела всех, как будто совсем не понимала наших чувств.

— Да скажешь ты уже или нет?! — нетерпеливо выкрикнул я.

— Ладно, ла-а-а-а-адно! Угадайте, что там? Я приготовила печенье! Аплодисменты в студию!

Похлопала только Элли. Остальные так и застыли с выпученными глазами.

— Эй, ребят? Земля вызывает Хьюстон, ответьте!

Микки недовольно зыркнула на нас, ведь мы испортили сюрприз.

— С тобой все нормально? — озвучила Психичка вопрос, который вертелся у меня на языке.

— Что, прости?

Микки перевела на нее взгляд, Психичка ответила тем же. Ситуация выходила забавной, но никто не засмеялся, поэтому я решил разрядить обстановку вопросом на миллион долларов:

— Что еще за печенье ни с того ни с сего?

На самом деле тут было два вопроса. Во-первых, почему она выложила печенье именно сейчас? Выходило слишком идеально, и я гадал, а не подслушала ли она наш разговор. И во-вторых, почему она решилась на очередной эксперимент, хотя всем давно известно, насколько плохо она готовит?

— Ну, просто захотелось что-нибудь попробовать, знаешь, для разнообразия.

Она что, уже забыла прошлый раз?!

Только мы с Психичкой были в курсе, откуда у нее росли руки. Взять вот обувь, например. Однажды она попыталась залатать небольшую дырочку, и чем все кончилось? Разодрала в клочья, а потом сделала вид, будто это «последний писк моды». Естественно, полная катастрофа постигла и приготовление блюд. Отношения с едой у нее были еще хуже, чем у Психички со спортом — а ведь та даже на велосипеде не умела ездить.

Видимо, наши лица говорили сами за себя, потому что Микки залилась смехом.

— Ага, я нечасто что-то готовлю. Ладно, если в двух словах...

Элли слегка втянула воздух, но Микки этого не заметила. Или, может, восприняла жест иначе.

— Элли вдохновила меня попробовать испечь печенье по ее рецепту. Ну знаешь, то самое, которое ты украл тогда в столовой. Она сделала его для меня как образец. Но кое-кто принялся их ЛОПАТЬ! Гх, как вспомню, сразу начинаю злиться!

Конечно, над ней всплыла бубна... но через секунду на лицо вернулась улыбка. Я уже привык к таким переменам в настроении и не обращал на это внимания.

— Короче говоря, я попробовала рецепт Элли!

— Хорошо. Раз это рецепт Элли, значит, есть безопасно.

— И что это значит?!

Я, скорее, поддержал ее, а не спорил, но печаль Элли все росла. А началось все с вдоха. Что такого в том, что она поделилась рецептом? Даже представить не могу.

Тем временем Микки, радостно сияя, возобновила небольшую презентацию.

— Чтобы вы знали, я несколько раз за неделю пробовала их готовить и уверена, что в этот раз они получились как надо.

— Ох, так вот что значило твое «рада, что успела вовремя»...

— Угу! Давайте, налетайте!

— Ты ведь знаешь, я уже пробовал печенье Элли, — подразнил я. — Мои стандарты завышены до небес. Не уверен, что сможешь дотянуться.

Обычный, ничем не примечательный разговор с Микки. Легкие колкости давних друзей. Все говорилось без злого умысла, и все же мои слова вызвали бубну злости над головой Элли. Я не успел понять, восприняла ли она подначки серьезно, потому что...

— Знаешь, я сама не ожидаю, что у меня получатся такие же вкусные печеньки! — сказала Микки.

Злость Элли разгорелась еще больше и переплюнула даже печаль.

Для остальных ее поведение изменилось внезапно, он я знал — она пытается уйти из-за нахлынувших чувств, так что дальнейшие события были вполне объяснимы. Всего на краткий миг она пересеклась со мной взглядом, затем вскочила и быстро обулась.

— Схожу руки помыть.

С этими словами она умчалась прочь.

— Что это с ней? — прошептала Микки.

Я отвернулся и небрежно встал. Взглядом попросил Психичку разобраться, а сам надел кроссовки.

— И ты туда же, Зука? Вы ведь знаете, я принесла влажные салфетки.

— Прости. Скоро вернусь.

— Мики-чан, давай скоротаем время за игрой в «Старую деву»? Карты, правда, я не взяла, но можем воспользоваться воображением.

Идея была настолько нелепой, что Микки засмеялась. Я получил возможность и пошел за Элли. Больше никаких заминок и вопросов о том, что с ней происходит. Меня не волнует, станет ли ей еще хуже, — я пошел, потому что захотел.

К счастью, найти ее удалось довольно быстро: короткими ножками она двигалась небольшими шагами к выходу из парка.

— Элли! — окликнул я, как только догнал.

Она вздрогнула. Ее злость уже пропала, осталась лишь огромная трефа грусти, которая закрывала солнце. Элли не обернулась, а сразу рванула к деревьям. Я бросился следом.

— Что случилось?

Знаю, не самый тактичный вопрос, но больше мне ничего не оставалось. Она не ответила, а продолжала пробираться через безлюдный травянистый парк. Что-то подсказывало мне, что не стоит ее бросать. «Если будет нужно, остановлю силой», — подумал я, точно самый настоящий идиот.

Но, как выяснилось, заходить так далеко было ни к чему: она замедлила шаг. Не уверен, из учтивости ко мне или еще почему. Затем Элли наконец-то остановилась — наверное, выбилась из сил.

Я сделал еще несколько шагов. Она хотела поговорить? Я смотрел ей в спину с надеждой и страхом.

Послышался тоненький, слабый голос:

— Оставь меня в покое.

Кратко, но остро, как шипы розы.

Я молча ждал, и она заговорила вновь, все таким же тихим голосом:

— Мне жаль.

Я не знал, что сказать, поэтому доверился чутью.

— Брось, не за что тебе извиняться. Мне просто показалось, что я как-то обидел тебя, вот и захотел поговорить. И если все-таки обидел, мне тоже жаль, прости.

Она не ответила. По улочке рядом пробежала группа детишек, и это, возможно, побудило ее продолжить:

— Ты ни в чем не виноват, Зука-кун. Мне жаль.

— Ни в чем, значит? Ладно, тогда... еще что-то стряслось? Хочешь поговорить или...

— Ты тут вообще ни при чем, — сухо произнесла она.

В обычных обстоятельствах я бы отступил. Если она не хочет моей помощи, тогда я бы решил, что давить нет смысла. Однако сейчас, казалось, нужно поступить иначе.

— Ты права, может, это не мое дело. Но я все равно хочу помочь. Если готова поговорить, буду только рад выслушать.

Звучало по-дурацки даже для меня. Я просто повторил то же предложение, от которого она отказалась ранее. Совершенно очевидно, что я совсем не заметил ее чувств. Но, несмотря на сожаления, Элли прошептала:

— Ничего не «стряслось», Зука-кун.

Ну, во второй раз, по крайней мере, не отказала. Но я понятия не имел, почему сейчас ответ отличался. Последовало долгое молчание. Прошла минута, а может и десять, но Элли, несколько раз глубоко вдохнув, призналась:

— Жестоко...

— В смысле?

Я подумал, что она говорит обо мне.

— Я поступила жестоко.

Затем она наконец посмотрела на меня. По ее лицу я понял, как сильно ошибся. Не нужно было ее преследовать. Элли ушла, потому что не хотела, чтобы кто-то увидел ее такой. Теперь до меня дошло, но уже было слишком поздно.

— Я жестоко обошлась с Микки.

— Каким образом?

— Секретный ингредиент.

Я взглянул ей прямо в глаза.

— Я не сказала о нем.

— Что?

Поверить не могу. Вся печаль — от ингредиента в рецепте? Я не воспринял откровение серьезно и дал самый тупой совет из возможных:

— Ты ведь понимаешь, что Микки, вероятно, было все равно? Просто скажи о нем в другой раз.

— Нет! Ты не понимаешь! — она категорично замотала головой, а потом раскрыла глубочайшие переживания — нечто такое, чего я совсем не ожидал. — Я испугалась... что потеряю лучшего друга...

— Лучшего друга?

Она безмолвно кивнула, и мне показалось, что ее голова сейчас слетит с плеч.

— Ты про Микки?

Она качнула головой, и мне показалось, что та сейчас взлетит.

— Про Кё-куна.

— Кё?

Вот теперь все совсем непонятно... Мне пришло в голову только одно объяснение, и я спросил, призвав все мужество:

— Он тебе нравится?

— Все совсем не так.

Я почувствовал облегчение, но почему — следует выяснить позже.

— Послушай, я... знаю, что веду себя странно...

— Да?

Я кивнул, готовый услышать продолжение.

— Но почему-то я... не хочу даже думать о том, чтобы лучший друг встречался с ней. Нет, я не люблю Кё-куна так, как он любит Микки — мы просто друзья — но мне стало грустно... и поэтому... я солгала...

Голос стих настолько, что его едва можно было услышать, но я старался изо всех сил разобрать слова. Она умолкла, а я просто ждал.

— Я дала Кё-куну попробовать печенье, потом соврала об этом и отказалась раскрывать секретный ингредиент. Понимала ведь, печенье все равно будет лучше у меня, но хотелось убедиться, что у нее получится хуже. Я не знаю, почему обошлась так жестоко... Просто испугалась...

Я хотел что-нибудь сказать. Пришлось напрячь извилины в поисках подходящих слов. Но идеального ответа в природе не существует... Я не понимаю, что она чувствует, потому что не был на ее месте.

Почему человек должен быть напуган тем, что личная жизнь друзей пошла в гору? Не от предчувствия ли, что они станут проводить меньше времени вместе? Как будто сейчас они неразлучны! Может, потому что Кё почти не вспоминает ее? Так будет нелепее, если бы только и думал о ней!

Даже если их пути после взросления разойдутся, они не перестанут быть друзьями. Главное, что Кё счастлив. Любовь — всего лишь часть жизни, тут нечего печалиться.

Я все стоял в молчании, когда Элли качнула головой.

— Прости. Знаю, это так глупо. Знаю, меня не должно это волновать. Знаю, как неправильно поступила, просто... Мне правда очень жаль...

— Нет, тебе не нужно извиняться... Ты тоже меня прости.

Больше мне сказать было нечего.

— Я пыталась как-то исправить ситуацию... так что отдалилась от него... но это не сработало.

Аха.

— Я просто испугалась... Как бы мы не сблизилась, я все боялась, что он бросит меня...

И вот ЭТОГО ты испугалась больше всего?

Она обожала друзей. Постоянно переживала, что они могут подумать о ней. Сейчас не время пускаться в размышления, но я был слегка впечатлен.

— Я не знаю, как объяснить, но... — Она перевела взгляд на меня, словно пыталась найти ускользающие слова. — Наверное, я веду себя, как параноик... Мне жаль.

Паранойя. Сильная заикленность на себе. То, чего я лишен напрочь.

— Понимаю, нужно перестать быть такой одержимой, и я искренне хочу измениться, но...

Я невольно качнул головой.

— Ты хороша такой, какая есть.

— Нет.

— Говорю тебе, ты хороша такой, какая есть, — машинально повторил я.

Необдуманный ответ, прямо как наш разговор о жизни после выпуска из школы несколько дней назад. Я снова сомневался, как хотел бы, чтобы она истолковала его. Мне столько всего нужно ей рассказать, но я не мог подобрать слов.

Наверное, я имел в виду вот что: «Ты помогаешь нам намного больше, чем думаешь, просто будучи собой».

За примером далеко ходить не надо: она наконец вынудила Микки проявить интерес не только к глупым спортсменам вроде нее самой (кстати, я такой же). Микки раньше даже помыслить не могла о прогулах, пока не познакомилась с Элли и не научила находить общее с совсем не похожим на нее человеком. Она расширила кругозор Микки.

Элли помогла измениться и Психичке. Трудно поверить, что кто-то вроде нее скажет: «Остается надеяться, что она когда-нибудь откроется нам». Обычно она говорила либо со скрытой целью, либо в шутку, но в тот раз мы находились наедине, значит, это было подлинное выражение искренних чувств — чувств, которые она, вероятно, еще никому, кроме Микки, не раскрывала. Чувств, что исходили из глубины сердца. Я не шучу, Психичка подружилась сначала с Элли, а потом и с остальным классом.

Про Кё даже упоминать не надо. Он счастлив рядом с Элли. Честно говоря, он сблизился с ней куда сильнее, чем со мной. И когда она нашла в себе силы вернуться в школу, он словно сам набрался смелости — пусть и всего чуть-чуть.

Я хотел донести до Элли, что она помогает нам всем, просто будучи собой. Кроме того, даже мне...

Как только речь зашла о моих чувствах, я наконец-то все понял.

— Знаю, я не должна так себя вести... Мне правда жаль.

— Это неправда, Элли.

— Правда.

— Нет.

Я наконец разобрался. Не с тем, как облегчить ее печаль или выправить дружбу с Кё. Думая о ней, я в конце концов эгоистично пришел к пониманию себя. Понял, почему она так мне интересна и что делает ее особенной для меня.

— Тебе не нужно извиняться.

Все оказалось так просто. Если сказать вкратце, то я пытался научиться у нее — отчаянно старался почерпнуть знания, как это сделали Микки, Психичка и Кё, с надеждой однажды обрести человечность, которую никогда не имел.

— Ты не странная. Ты хороша такой, какая есть.

Ко мне пришло запоздалое осознание — про себя, а не про ее.

Как оказалось, я пресекал в себе любое подобие тоски от последнего расставания. Конечно, встречаться мне предложила бывшая девушка. До расставания мне было приятно находиться рядом с ней, а потом я почувствовал подавленность. Просто пытался убедить себя в обратном. Я твердил, что именно этого она хочет. Но глубоко внутри затаилась мысль: «Может быть, если бы я действительно перестал думать о своих чувствах, она бы не ушла от меня». Возможно, тогда не пришлось бы делать вид, будто со мной все в порядке.

Я хотел уяснить, что грустить это нормально, и хотел, чтобы этому меня научил человек вроде Элли. Робкий, как Кё, но более упрямый.

— Мы с Микки воспринимаем мир иначе, — сказал я.

Элли наверняка переживала, что Кё окончательно забудет о ней... потому что внутри поселилось беспокойство: если поменять их местами, поступит ли она также? Забудет его? Если бы только я ставил себя на место других, расставание не вышло бы таким болезненным.

— Так что тебе не нужно меняться. Ты неповторима, не извиняйся за это.

Вот что я на самом деле чувствовал. Она уже была замечательной, и я не хотел перемен, вот и все. Но теперь, когда она открылась мне, я понимал, что сентиментальность не поможет ей разобраться в собственных чувствах, и продолжил:

— Микки и я... мы не считаем, что ты должна измениться, вот и тебе не нужно беспокоиться об этом. Если скажешь ей все то, о чем сказала мне... Блин, она же просто отмахнется. А Психичка! Она вечно задирает нас, но мы все еще друзья, понимаешь?

— Но я пыталась устроить подлость... Специально...

— Ну и ладно, загладь вину супер-классным поступком! Испеки еще печенья, например.

— А что, если я снова совершу гадость?

Ее будет нелегко успокоить. Она верит, что печаль и грусть никогда по-настоящему не уйдут. Элли решила стереть себя из жизни класса, когда бремя от пребывания в нем стало слишком невыносимым. Она была не только упрямой, но и решительной.

В груди ощущалась странная теснота, точно квадрат пытаться просунуть через круглое отверстие.

— Ну, эм, все наладится! Поверь мне, я знаю Микки еще со средней школы. И я знаю, что по-настоящему может ее взбесить.

— А еще я жестоко обошлась с Кё-куном...

— Кё не из тех парней, что будут держать на тебя обиду.

— Зука-кун?..

— Да?

— Ты когда-нибудь задумывался о том, как бы ты жил без Микки?

Вопрос застал врасплох. Я попытался обдумать ответ, хотя это было скорее бессмысленно: у нас слишком разный взгляд на мир.

— Скорее нет, чем да. Знаешь, перед ней я такое сказать не могу, уж очень неловко получится, но... мы навсегда останемся друзьями, что бы ни произошло.

— Ты не можешь знать наверняка.

— Почему же, я в этом уверен.

Я кое-что знал о дружбе: она не такая хрупкая. Видит Бог, я не лгал... однако печаль и беспокойство Элли ничуть не угасли. Мне нечем подкрепить свои слова. Хотя один способ был.

Элли посмотрела на меня взглядом, в котором читался вопрос: «Ты правда так считаешь?» Я в ответ заглянул ей в глаза, ощутил ее испуг и потом все-таки признал. Молча извинился — но не перед ней.

«Прости. Знаю, не должен я такое говорить, но будем делать один шагок за раз. Надеюсь, ты простишь меня».

Когда с эгоистичным извинением было покончено, я нацепил улыбку.

— Ага, думаю, все у тебя будет хорошо.

Она смотрела прямо на меня, но я не отводил взгляд. Я понял образ ее мышления и в ответ поделюсь своим. Так мы сможем заполнить пустоту друг друга. Когда эта мысль пронеслась в голове, впервые за многие годы мое сердце стало человеческим.

— Видишь ли, по правде говоря...

Меня вполне устраивало держать это в себе, но вместе с готовностью раскрыть собственный секрет пришел стыд. В тот миг я узнал гораздо больше о человеческих чувствах, чем когда-либо понимал, глядя на масти.

□

— Та-да-а-а-а! Здорово выглядят, скажите?!

— Вау... Уж от кого, а от тебя я такого не ожидал, но это и правда похоже на печенье!

Я сделал комплимент, на что Микки перевела на меня взгляд, потом ухмыльнулась и гордо

хлопнула себя по груди.

— Ха-ха! Слюнки текут от одного вида, скажи?

— Постой... Ты разве не готовила их по рецепту Элли? Почему они выглядят иначе?

— Зоркий глаз! В качестве секретного ингредиента я добавила шоколад!

Она с восторгом указала на печенье такого же коричневого цвета, как и все остальные блюда на покрывале.

— Если считаешь, будто шоколад можно причислить к секретным ингредиентам, сходи и проверь зрение, — фыркнула Психичка.

Микки в ответ на колкость вернула улыбку и толкнула подругу, затем протянула небольшие подарочные свертки каждому — сначала Психичке, потом Элли, мне и Кё.

Обычное печенье, ничего особенного. Правда, Кё застыл как камень. Я забавы ради толкнул его локтем.

— Ну как оно, парни? Печенье от девушки заставляет вас трепетать? — ухмыльнулась Микки.

Только она не подозревала, что попала в самое яблочко. По крайней мере, так было с Кё.

— Ну, хотя бы лучше тех M&M's, которые ты подарила на день Валентина, — ответил я вместо него.

Обычно подобной похвалы ей вполне достаточно, но сегодня она так завелась, что не собиралась спускать Кё с крючка.

— А тебе как, Кё-кун?

— Э-э... э...

— Ну?

— А-а-ага. Я очень тронут. Выглядит потрясающе.

— Ха-ха! Рада слышать!

Пика восторга над ее головой увеличилась. Кё всегда боялся отпускать комплименты, поэтому для похвалы ему требовалось собрать едва ли не всю храбрость. Пики появились и над Психичкой с Элли. Я еще раз толкнул Кё от лица всей группы.

— Вперед! На здоровье!

По команде мы разом развязали ленточки на свертках, достали печенье и набили рты. На миг воцарилась тишина...

— Вот черт, да они вкусные! — бездумно выпалил я.

— И правда, — согласилась Психичка. — У Мики-чан точно нет знакомых на фабрике по производству печенья?

— Какая еще фабрика?! Я купила ингредиенты, испекла печенье и доставила вам! Все это моих рук дело!

— Микки, у тебя очень здорово получилось! Шоколад сделал свое дело! — провозгласила Элли без тени сарказма.

Микки просияла и подняла кулак в небо.

— О, да!

Затем посмотрела на Кё.

— А тебе как, Кё-кун?

Кё спешно прожевал уже вторую печеньку. Наблюдать за ним одно загляденье.

— Эм... а-ага, вкусные. Очень.

— Супер! Хорошо, что я последовала совету Элли!

Она снова победоносно подняла кулак, а я почувствовал облегчение. Не из-за печенья, конечно, мне полегчало из-за поведения Кё и Элли. Но как вскоре выяснится, хорошее на этом не закончилось.

— Кё-кун, я возьму у тебя немного якисобы, ладно?

Элли с улыбкой взяла контейнер Кё, когда Микки бестактно воскликнула: «Какого?..»

— Ты разве не наелась?

— Мне так только показалось. Когда ем сладкое, всегда хочется чего-нибудь соленьенького... Ого, фкуфнатише!

Элли улыбнулась Кё, а тот потрясенно уставился на нее. Затем и у него расцвела улыбка, а над головой выросла пика радости. Словами не передать, какое успокоение я испытал. По крайней мере, все наши проблемы были решены.

— Знаете, так здорово, что мы с вами выбрались, — сказал я внезапно.

— Правда?! — хмыкнула Микки, зачинщица нашей небольшой вылазки.

— Когда Мики-чан провалит вступительные, давайте соберемся и вместе посмеемся, — предложила Психичка, испортив момент.

Микки нанесла ответный удар в стиле карате, и Кё и Элли засмеялись. Над ними висели одни пики и червы.

Тут меня вдруг осенило: я не лез из кожи вон, чтобы помочь людям. Ведь таково было мое желание.

И как только до меня дошло, в голове перестал звучать голос бывшей.

□

Так и быть, настал черед рассказать о моем секрете. Не то чтобы он очень важный, имейте в виду.

Свою первую девушку я встретил в средней школе. Тогда я, как и сейчас, был одержим спортом, потому об отношениях знал немного, да и они мало меня интересовали. Тем не менее я смутно понимал, что любовь — некое чувство, возникающее между двумя близкими друзьями. Так я и начал встречаться с близкой подругой. С ней я чувствовал себя приятно, она была веселей других девушек. Казалось, я влюбился и любовь представлялась мне взаимной. А начались наши отношения с этих двух фраз:

— Будешь моей девушкой?

— Ха-ха! Конечно!

Но спустя месяц мы кое-что осознали. В тот день, когда я закончил занятия в клубе, мы шли по дороге домой и поедали мороженое. Тогда-то она и высказалась.

— Что-то между нами не так.

Именно тогда я впервые осознал: дружба отличается от отношений между возлюбленными. Платоническая любовь не то же самое, что и романтические чувства.

Мы были настолько застенчивы, что даже за руки не могли взяться. Конечно, отношения скоро закончились. Какое-то время было неловко, но, к счастью, это продлилось недолго и уже через месяц я мог лишь отшучиваться. Я, как самый настоящий идиот, решил, что так будет проще, чем все время чувствовать неловкость.

Она смеялась над этим вместе со мной, но в глубине души ей наверняка было больно. Ведь если ее чувства ко мне были-таки романтическими, отношения-то у нас не задались. Мне казалось, что мы вернулись к обычной дружбе и постепенно забыли о случившемся, но неловкость с каждым месяцем становилась для нее все более невыносимой. В день нашего выпуска из средней школы она напомнила об отношениях, потом со свекольным лицом вынудила поклясться на мизинцах никому не рассказывать.

— Надеюсь, иголки глотать не придется*, — пробормотал я.

□

[П/Р: японское обещание: «Если нарушу клятву на мизинцах, съем тысячу иголок»]

□

— А? Чего сказал? — обернувшись, спросила Микки.

Она мыла пластиковые контейнеры в питьевом фонтане — рутинная обязанность, которую нам подсунули после проигрыша в камень-ножницы-бумага.

— Да так, не бери в голову.

Может, с иголкой мне и не справиться, но я мог, наверное, дать ей стукнуть себя коронным пинком.

Она помыла последний контейнер, я протер его полотенцем, а потом мы отправились к друзьям. Микки напевала под нос, наслаждаясь прогулкой. Я поймал себя на мысли, как сильно хочу ей рассказать об эгоистичном познании собственных чувств. Пусть и понимал, что она не поймет меня.

— В следующий раз выйдет по-настоящему, — сказал я.

Я ожидал от нее краткого «А?» и озадаченного взгляда. Но она перестала напевать, пика восторга раздулась точно воздушный шар, и Микки запрокинула голову.

— То же самое.

— Что?

Я остановился. Она тоже, затем оглянулась.

— Я приняла совет Элли.

И пошла дальше. А когда заметила друзей с горой невымытой посуды, умчалась как ошпаренная.

Я ошеломленно смотрел ей вслед. А затем меня пробрал смех.

Мы все настолько бестолковые, что это даже весело.

<http://tl.rulate.ru/book/64393/1703367>